

Изъ произведеній А. Н. Краснова ¹⁾.

Географія, какъ новая университетская наука ²⁾.

Сегодня впервые я имѣю честь выступить передъ вами, на кафедрѣ Харьковскаго университета, въ качествѣ преподавателя науки, доселѣ здѣсь не читавшейся, науки новой для нашихъ русскихъ высшихъ учебныхъ заведеній. И естественно, что всѣ здѣсь собравшіеся въ правѣ задать мнѣ вопросъ: что же это за новая наука, вдругъ откуда-то взявшаяся? почему только теперь она является среди прочихъ предметовъ, здѣсь излагающихся? почему ранѣе о ней ничего, какъ объ университетской наукѣ, не было слышно? Въ правѣ ли она называться наукою? не есть ли это лишь наглая самозванка, безъ всякихъ правъ вторгшаяся въ семью университетскихъ наукъ?

Выступая здѣсь въ качествѣ профессора географіи, считаю своимъ долгомъ, прежде чѣмъ начать курсъ, отвѣтить на этотъ вопросъ, высказать свой взглядъ на него, свое *profession de foi*, дабы не вводить въ заблужденіе моихъ слушателей. Я считаю это тѣмъ болѣе необходимымъ, что не только у насъ въ Россіи, но и на западѣ, взглядъ на географію не установился: всякій понимаетъ и толкуетъ этотъ предметъ по-своему, давая поводъ публикѣ составлять себѣ о немъ самыя превратныя представленія.

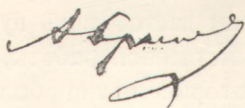
¹⁾ Въ дальнѣйшимъ мы перепечатаемъ нѣкоторыя статьи А. Н. Краснова, которыя дополняютъ данныя въ предыдущей характеристикѣ его взглядовъ и вообще особенностей творчества. *Ред.*

²⁾ Вступительная лекція, читанная 16-го сентября 1889 года въ Харьковскомъ университетѣ. (см. Журн. Мин. Нар. Просв., ч. CCLXVI, отд. 2). Взгляды А. Н. Краснова на задачи географіи были имъ изложены также совсѣмъ въ концѣ его профессорской дѣятельности въ статьѣ, помѣщенной въ журналѣ «Природа». Однако, мы предпочли изъстоящую его статью, которая показываетъ, съ насколько сложившимися взглядами онъ приступалъ съ самаго начала къ своей дѣятельности.

Ред.

Насколько я могъ замѣтить господствующимъ въ массѣ представленіемъ о географіи является то, которое вынесено со школьной скамьи и опредѣлено приблизительно тѣмъ, что излагается въ учебникахъ Смирнова, Бѣлохи, Пуликовского, Лебедева и т. п. И эта часть образованной публики справедливо недоумѣваетъ: какую же роль подобная наука можетъ играть въ стѣнахъ университета? Вѣдь названные учебники содержатъ

Во время моего студенчества какъ профессоръ географіи я всегда проводилъ ~~в~~ университетѣ время на лекціяхъ какъ у университетскихъ профессоровъ. Вспомню еще мое быстрое знакомство съ Гукеромъ какъ онъ „Кристалъ“ за 1912 годъ и въ предисловіи къ моему курсу. Вспомню мои „заметки“ о томъ, что такое географія. Я не оставилъ ни одного изъ этихъ „заметокъ“, и въ „заметкахъ“ о географіи и географіи „моя“ географія и географія въ Россіи.

Автографъ А. Н. Краснова.

въ себѣ лишь собраніе разнородныхъ свѣдѣній о разныхъ частяхъ свѣта и ихъ государствахъ, да кое-что изъ физической географіи, свѣдѣнія правда—необходимыя для всякаго образованнаго человѣка, но сборъ которыхъ нельзя назвать наукою. Дѣйствительно, свѣдѣнія эти въ томъ видѣ, какъ они преподаются въ гимназіяхъ, неполны, но говоря по правдѣ, пополнять ихъ можно до безконечности. Въ многотомномъ произведеніи Реклю «Géographie Universelle» мы видимъ одно изъ наиболѣе талантливыхъ исполненій подобнаго рода задачи. Прекраснымъ, картиннымъ языкомъ изложены здѣсь разнообразнѣйшія свѣдѣнія о всѣхъ пяти частяхъ свѣта, свѣдѣнія о ихъ живой и мертвой природѣ, о населеніи, промышленности и торговлѣ. Но стоитъ любому изъ мѣстныхъ обывателей развернуть хотя бы главу о Малороссіи, чтобъ онъ увидѣлъ, что въ ней такое множество пробѣловъ, что пользоваться сочиненіемъ

этимъ для спеціальныхъ справокъ невозможно. Точно такое же впечатлѣніе производитъ описаніе его родины на любого изъ жителей другихъ странъ, описанныхъ Реклю, несмотря на полную добросовѣстность автора.

Очевидно, что исполненіе подобнаго рода задачи даже и не подѣ силу одному человѣку. Да и къ чему бы привело оно? Оно привело бы къ составленію полнаго компендія, запомнить который не въ состояніи была бы ни одна свѣтлая голова. Эти разнородныя свѣдѣнія, доведенныя до точности справочной книги и путеводителя, имѣютъ лишь частный интересъ, и мнѣ кажется, г-жа Простакова не была бы неправа, утверждая, что этого рода географія болѣе пригодна для изводчиковъ, нежели для студентовъ. Эта была бы во всякомъ случаѣ наука не университетская, ибо истинная университетская наука должна стремиться къ изложенію и открытію научныхъ истинъ.

Не всякая наука имѣетъ въ виду эту послѣднюю цѣль. Есть рядъ наукъ прикладныхъ, представляющихъ лишь сводъ отдѣльныхъ фактовъ, «отдѣльныхъ правдъ», какъ ихъ называетъ мой уважаемый учитель, проф. Менделѣевъ. Знаніе правды бываетъ важно для практической жизни; оно дается наблюденіемъ, опытомъ, практикою. Оно иногда на первый взглядъ приложимѣе къ жизни, ближе къ ней, доступнѣе массѣ. Напротивъ, знаніе истины дается лишь путемъ научныхъ изслѣдованій, путемъ трудной умственной работы, путемъ сопоставленія выводовъ, получить которые можно было лишь путемъ научныхъ, особыхъ методовъ изслѣдованія.

Что солнце наше поднимается ежедневно на востокъ и, описавъ полукругъ, склоняется на западъ—это фактъ, это правда, на знаніи и утилизаціи которой зиждется весь строй нашей жизни. Но истина движенія земли вокругъ оси, объясняющая смыслъ явленія, какъ извѣстно, далась людямъ не такъ скоро, и слѣдствія этой истины до сихъ поръ еще не исчерпаны человѣчествомъ.

Науки, не имѣющія цѣлью утилизацію сброда отдѣльныхъ «правдъ», а дѣйствительно стремящіяся къ открытію истинъ, или трактующія объ этихъ скрытыхъ для простака истинахъ, имѣютъ по преимуществу право на мѣсто въ университетѣ и должны здѣсь излагаться. Географія или, чтобы точнѣе, лучше обозначить нашъ предметъ—научное землевѣдѣніе, принадлежитъ именно къ этой послѣдней категоріи наукъ, хотя, по правдѣ сказать, изъ нихъ она самая молодая и не выработанная. Взглядъ на географію, какъ на сбродъ отдѣльныхъ фак-

Проф. А. Н. Красновъ въ Батумѣ. На лѣво губернаторъ Батумской области Романовскій-Романько.

товъ, былъ взглядъ не безъ основанія; онъ выработался исторически. Еще недавно географія была именно такою. Отрывочные факты, собранные различными путешественниками, суммировались въ одно цѣлое. Получался сборъ разнороднѣйшихъ свѣдѣній, касающихся климата, животныхъ, растений и быта людей различныхъ странъ, сбродъ, изъ котораго составлялось уже описаніе, куда могло входить все, начиная отъ направленія вѣтровъ и кончая тѣмъ, какими вилками ѣдятъ жаркое ея обитатели. Таковъ былъ характеръ землеописанія со временъ Страбона и Плинія и до Гумбольдта и Риттера включительно. Правда, еще со временъ глубокой древности, какъ это прекрасно показалъ В. де-Сенъ-Мартенъ въ своей *Histoire de la Geographie*, дѣлались попытки широкихъ обобщеній, нахожденія связи между живою и мертвою природою каждой страны, однако все это ограничивалось лишь смѣлыми, по большей части ни на чемъ не основанными, гипотезами.

И такое состояніе географіи нельзя было ставить ей въ вину. Почти каждая университетская наука во времена болѣе или менѣе отдаленныя находилась въ этой стадіи сброда мало систематизированныхъ поверхностныхъ, доступныхъ простому глазу наблюденій, не координированныхъ фактовъ, словомъ—представляла свѣдѣнія объ узнанныхъ «правдахъ», но была далека отъ провозглашенія истинъ. Вспомните: ботаника зародилась изъ травниковъ и полезныхъ свѣдѣній о съѣдобныхъ и лѣкарственныхъ травахъ; минералогія еще недавно занималась лишь перечисленіемъ признаковъ нахожденія рудъ и драгоценныхъ камней; химія возникла изъ алхиміи, представлявшей рецепты для полученія золота и философскаго камня; даже древнѣйшая и совершеннѣйшая изъ наукъ, астрономія, и та представляла нѣкогда сводъ фактовъ о движеніи свѣтилъ по небесной тверди и ихъ загадочныхъ вліяній на судьбу людей. Географія только запоздала, идучи по тому же самому пути развитія. И это запаздываніе вполнѣ понятно и естественно.

Географія всегда имѣла предметомъ своимъ земной шаръ, описаніе его материковъ и морей и уясненіе явленій, на немъ происходящихъ и обусловливающихъ обстановку и судьбы живущаго на немъ человѣчества. Древніе географы, компилируя имѣющіяся подъ ихъ руками свѣдѣнія, были поэтому совершенно правы, принимая въ расчетъ всѣ данныя о природѣ и жизни описываемыхъ ими странъ. Но по мѣрѣ развитія нашихъ знаній, географъ оказался подавленнымъ ихъ массою, и ему не оставалось ничего иного, какъ раздѣлить свой трудъ. Древняя

наука должна была раздѣлиться между метеорологами, геофизиками, ботаниками, геологами, зоологами, этнографами, политикоэкономами, статистиками. Ея самостоятельное существованіе сдѣлалось фактически невозможнымъ. Но эти науки, на которыя она распалась, каждая въ свою очередь, представили столько матеріала, столько своего спеціального интереса, что служители наукъ этихъ, углубившись въ нихъ, по большей части забыли объ исходномъ ихъ пунктѣ и задались цѣлями довольно далекими отъ той, къ которой стремилось научное землевѣдѣніе. Ботаника стали интересоваться вопросы о процессахъ питанія и роста растений, о генетической связи между отдѣльными родами и видами; самая исторія развитія низшихъ организмовъ потребовала столь старательнаго изученія, что лица, увлекшіяся этими вопросами, по большей части совершенно оставляли втунѣ ту ботанику, которая, какъ вѣтъ географіи, была генетически съ нею связана, то-есть, изученіе флоръ различныхъ странъ и присущихъ имъ особенностей. Если подобнаго рода изученіе и дѣлалось, то обыкновенно спеціализація автора накладывала на него рѣзкій отпечатокъ. Оно носило на себѣ характеръ односторонности. Перечни растений, издаваемые ботаниками старой школы, были сырымъ, неудобоваримымъ, никому, кромѣ однихъ спеціалистовъ, неинтереснымъ матеріаломъ. Люди менѣе односторонніе, въ родѣ Гризебаха, Рупрехта, пытавшіеся пролить свѣтъ на собранные ими факты, освѣщали его всегда крайне односторонне, ища связи между, напримѣръ, климатомъ и флорою или геологическимъ строеніемъ мѣстности и растительностью и оставляли въ сторонѣ совокупность другихъ факторовъ не менѣе важныхъ. То, что сказано о ботаникѣ, вполне примѣнимо и къ другимъ наукамъ и повторять аналогичные примѣры значило бы лишь надоѣдать слушателямъ.

И такое положеніе дѣлъ было вполне естественно. Вѣдь, еще недавно отношеніе человѣка къ земному шару отличалось весьма немного отъ отношенія муравья къ тому мѣсту, по которому онъ ползаетъ. Правда, трудами путешественниковъ и топографовъ намъ удалось теперь составить довольно ясное представленіе объ очертаніяхъ и распредѣленіи суши и моря, о направленіи рѣкъ и горъ; но вѣдь этотъ трудъ былъ лишь координаціей отдѣльныхъ фактовъ—не болѣе. Земной шаръ однако, какъ извѣстно, подобенъ живому организму. Его внутренность и кора, воды и воздушная оболочка ежечасно перетерпѣваютъ многообразныя измѣненія. Ходъ измѣненій этихъ дви-

женій вліяєть на органическую жизнь нашего шара, которая до извѣстной степени является какъ бы отраженіемъ этихъ явленій. И естественно, что пока человѣкъ самъ находился въ сферѣ дѣйствія всѣхъ этихъ силъ и явленій, будучи самъ въ значительной степени ихъ объектомъ, онъ не могъ имѣть полной картины жизни земного шара.

Чтобъ имѣть эту картину, онъ долженъ былъ сумѣть мысленно отдѣлиться отъ его поверхности и составить картину явленій, на ней происходящихъ; онъ долженъ былъ наблюдать теченіе вѣтровъ, распредѣленіе осадковъ, процессовъ вѣвѣтризанія породъ и т. д., такъ же, какъ медикъ наблюдаетъ кровообращеніе, пищевареніе, выдѣленіе железъ и т. п. на ввѣренномъ ему человѣческомъ организмѣ.

Очевидно, для того, чтобы перестать играть роль муравья и превратиться въ стоящаго внѣ земли наблюдателя, надо было владѣть особыми методами. Методы эти суть достояніе естественныхъ наукъ и при томъ наукъ въ самой новѣйшей стадіи ихъ развитія. Только благодаря методамъ синоптической метеорологій, благодаря телеграфамъ, соединяющимъ другъ съ другомъ всѣ обсерваторіи пяти частей свѣта, мы можемъ составить карты состоянія атмосферы на каждый день, имѣть картину ея годичной жизни, такъ же, какъ мы могли бы наблюдать ее разсматривая землю нашу съ какого-нибудь другаго свѣтила. Только суммируя тысячи фенологическихъ наблюденій, только сопоставляя тысячи голыхъ систематическихъ списковъ, данныхъ въ разное время ботаниками, мало по мало оказываемся мы въ состояніи слабою, нетвердою рукою начертать границы растительныхъ и животныхъ царствъ; только теперь можемъ мы дѣлать попытки объяснить особенности царствъ этихъ, явленія ихъ жизни и отмиранія, тѣ явленія атмосферной, почвенной жизни, о распредѣленіи и причинахъ которыхъ наши предшественники могли строить только смѣлыя гипотезы.

Научное землевѣдѣніе является поэтому наукой, возникшей въ нашъ вѣкъ пара и электричества, можно сказать, исключительно имъ обязанною своимъ существованіемъ: ибо, благодаря только этимъ факторамъ нашей цивилизаціи, мы можемъ сопоставлять между собою различныя явленія, одновременно или почти одновременно происходящія на нашемъ шарѣ, разсматривать ихъ съ точки зрѣнія наблюдателя, стоящаго внѣ земного шара, отыскивать между ними причинную и генетическую связи. Вмѣсто голой суммировки отдѣльныхъ свѣдѣній, современная возникающая наука стремится сгруппировать и расклассифициро-

вать разнородные типы явлений органической и неорганической жизни земного шара, рассматривая ихъ такими, какими они представляются живущему на немъ человечеству, и охарактеризовавъ ихъ, ищетъ между ними генетической связи и законности, управляющей ихъ возникновеніемъ и взаимодействіемъ.

Я сейчасъ постараюсь пояснить примѣромъ сказанное; но прежде я долженъ указать еще на одно обстоятельство, мѣшавшее доселѣ развитію научнаго землевѣдѣнія. Причина эта—младенческое состояніе геологіи.

Хотя истинная задача геолога—исторія земной коры, а не описаніе современнаго ея состоянія, однако, какъ бытописатель, знакомый съ исторіей своей страны, легче пойметъ особенности ея жителей, такъ и знаніе прошлаго необходимо для географа. Геологъ характеризуетъ жизнь и географію земного шара въ отдаленномъ его прошломъ. Это прошлое часто мало интересно для географа. Но чѣмъ ближе къ современному періоду, тѣмъ большее вліяніе на особенности природы материковъ и морей нашей планеты оказываетъ это недавнее прошлое, ихъ до-историческое распредѣленіе и жизнь. Это прошлое наложило на современность неизгладимую печать, которую не можетъ стереть современная жизнь шара, а потому для разумнаго пониманія обстановки человѣка на земномъ шарѣ и его судьбы, равно какъ для разумѣнія истиннаго смысла явленій и распредѣленія ихъ на земномъ шарѣ, словомъ—для научнаго землевѣдѣнія, необходимо знаніе исторіи развитія современной обстановки человѣка. Но мы знаемъ, что геологія вообще, и геологія новѣйшихъ образованій въ особенности, можно сказать, только въ самыя послѣднія недѣли своего развитія достигла возможности слабою, неясною рукою начертать измѣненія нашихъ материковъ и морей въ предшествующую эпоху, начертать исторію ихъ развитія и въ туманѣ показать намъ грандіознѣйшую картину возникновенія нашего современнаго земнаго міра, какъ слѣдствія сжатія, складыванія и сдвиговъ по трещинамъ охлаждающейся коры земнаго шара.

Естественно, что, лишенная еще недавно столь важныхъ условій для своего развитія, географія, какъ наука, существовать не могла. Какъ фізіологія является дочерью физики и химіи, какъ геологія дочь астрономіи и физики, такъ географія является дѣтищемъ естественныхъ наукъ, нѣкогда изъ нея возникшихъ. Развитіе ея методовъ и результатовъ вполне зависѣло отъ успѣховъ этихъ послѣднихъ. Вотъ почему, мм. гг., географія является послѣднею въ семьѣ естественныхъ наукъ.

Чтобы выяснить лучше разницу между научнымъ землевѣдѣніемъ и тѣмъ, которое принималось за таковое ранѣе, я позволю себѣ иллюстрировать мое изложеніе примѣромъ.

Поставимъ себѣ задачею сдѣлать научное географическое описаніе Великобританіи, страны наилучше изслѣдованной въ естественно-историческомъ отношеніи. Географъ старой школы началъ бы съ изложенія объ очертаніяхъ острововъ, ихъ величины, далъ бы картину устройства поверхности, перечислилъ бы горы, ихъ высоту, рѣки съ ихъ особенностями; указалъ бы далѣе на климатъ, господствующіе вѣтры, распределеніе осадковъ; назвалъ бы главнѣйшіе виды растений и животныхъ; затѣмъ перешелъ бы къ народонаселенію, его плотности, этнографическому составу, быту, промышленности, торговлѣ, государственному устройству, бюджету и т. д. и т. д. Эту намѣченную программу въ зависимости отъ времени, способности и силъ онъ могъ бы расширить или сузить по произволу, такъ какъ объектовъ для описанія у него былъ бы всегда неисчерпаемый источникъ. Но все это былъ бы одинъ систематизированный, сырой матеріалъ—очень важный для справокъ, но не имѣющій и тѣни научности. Типъ такого рода описанія, какъ сказано, мы видимъ у Реклю, у Кирхоффа, и другихъ извѣстныхъ географовъ.

Не такъ долженъ отнестись къ своей задачѣ опытный землевѣдъ. Для него эта группа островковъ есть не что иное, какъ кусочекъ материка Евразіи, отдѣленный отъ него только въ силу трансгрессіи Атлантического океана. Обращаясь къ даннымъ геологіи, онъ находитъ, что явленіе указанной трансгрессіи не есть случайное въ исторіи Великобританіи. Если теперь ея подводныя пучины и фіорды суть остатки озерныхъ днищъ, вырытыхъ ледниками, а рифы и мели—вершины затопленныхъ горъ, кое-гдѣ даже сохранившихъ подъ водою свои лѣса, то явленіе это въ предшествовавшіе періоды повторялось не разъ, и Великобританію можно раздѣлить на двѣ области: область горъ, возникшихъ во времена глубокой древности и со временъ этой древности не затоплявшихся; область горъ и холмовъ болѣе молодыхъ, затоплявшихся лишь въ древнее время, и наконецъ, равнины, бывшія попеременно до послѣднихъ дней то долиною моря, то сушею. Указавъ далѣе мѣсто Англіи на пути современныхъ воздушныхъ теченій, обуславливающихъ ея современный климатъ, онъ долженъ указать на исторію этого климата, на періодъ большаго пониженія температуры, обусловившаго смѣну постоянныхъ дождей сѣвера Шотландіи такими

же снѣгопадами, которые вызвали развитіе ледниковъ, покрывшихъ почти всю страну за исключеніемъ ея южной оконечности. Періодъ соединенія ледниковъ Шотландіи и Скандинавскаго, факты всегда со временъ глубокой древности большей влажности западныхъ склоновъ, сравнительно съ восточными, должны быть отмѣчены съ особенною силою. Тогда ясными вполнѣ выступаютъ всѣ особенности рельефа современнаго королевства. Слушатель пойметъ тогда, почему горы Великобританіи на цѣлыя геологическія эпохи болѣе древни, чѣмъ, напримѣръ, Альпы, Карпаты или Гималаи, и что онѣ представляютъ однѣ развалины; почему ея рѣчныя долины превратились въ горные проходы, прорѣзая давно поперекъ горные хребты, почему такъ широки устья рѣченокъ, въ родѣ Темзы, доступныя кораблямъ и представляющія въ сущности залитыя прѣсною водою эстуаріи. Панорамы Шотландіи, носящія отпечатокъ ледяного періода, и ихъ рѣзкое отличіе отъ панорамъ Корнваллиса, разница перипетій пиковъ базальтовыхъ и гранитныхъ скалъ Ирландіи не будутъ мертвыми фактами, но полными глубокаго содержанія...

То же и съ растительностью. вмѣсто мертваго перечисленія характерныхъ формъ географъ долженъ указать на особенности ихъ распространенія. Онъ долженъ указать на факты господства сосны и скандинавскаго типа флоры въ Шотландіи и въ носящихъ слѣды обледенѣнія частяхъ Британіи, на присутствіе совершенно особенныхъ американско-испанскихъ видовъ на его западныхъ оконечностяхъ и германскихъ на крайнемъ востокѣ. Онъ долженъ выяснить, почему однѣхъ климатическихъ особенностей, присущихъ различнымъ уголкамъ Соединеннаго королевства, недостаточно для объясненія такого ихъ распространенія и сродства съ названными странами. Онъ покажетъ, что испанскія формы суть отголоски отдаленной третичной флоры, уцѣлѣвшей въ пунктахъ, пощаженныхъ ледниками, и растущей тамъ доселѣ, благодаря ихъ влажности. Скандинавскій типъ окажется ледниковымъ, уступающимъ германскому современному, по мѣрѣ таянія ледниковъ, и пестрый цвѣтистый коверъ современной флоры явится нерукотворною лѣтописью пережитыхъ страной событій, краснорѣчивою и поэтичною. И ясно тогда станетъ, почему эти тысячи видовъ—представителей южной Европы, Америки, Японіи и Австраліи, введенные рукою опытнаго акклиматизатора,—нашли на островѣ второе отечество, и почему благовонный листъ классическаго лавра или зелень ливанскаго кедра переплетаются здѣсь съ хвоей сосны, а на коврѣ изъ травъ суроваго сѣвера высятся италіанскія пинии.

и питтоспоруны. Бѣдность фауны острововъ, лишенной почти эндемичныхъ видовъ, почти тождественной съ европейскою континентальною, но менѣе богатой, получить особый интересъ. Это прогрессивное убываніе рептилій съ болѣе крупныхъ острововъ на болѣе мелкіе западные будетъ свидѣтельствовать о когда-то бывшей, но слишкомъ рано порванной связи съ материкомъ. Это присутствіе полярныхъ видовъ въ пучинахъ будетъ говорить о слѣдахъ ледниковаго періода, а оригинальность формъ Ирландскаго моря—о его изоляціи.

Наконецъ, вмѣсто перечисленія племенъ и религій, современный географъ долженъ показать своимъ слушателямъ сперва географическое распредѣленіе типовъ, установленныхъ антропологами; показать связь современныхъ типовъ съ типами историческими и доисторическими, установленными по курганамъ и могиламъ, изъ чего съ ясностью выступить, что во всей западной части королевства еще господствуетъ тотъ же типъ, который имѣли люди каменнаго вѣка, но рѣзко отличный отъ свидѣтелей обледенѣнія Шотландіи—палеолитическихъ, эскимосоподобныхъ народовъ. На географъ лежитъ обязанность выяснитъ причины, почему именно здѣсь, несмотря на все смѣшеніе, удержался этотъ типъ, почему кельты, строители дольменовъ, внесшіе употребленіе бронзы, не изгнали его, а растворились вмѣстѣ съ римлянами въ его массѣ, и какія географическія причины позволили позднѣйшимъ пришлецамъ, саксамъ и норманнамъ, не только утвердить свое владычество, но и обусловить громадное преобладаніе въ восточной части королевства той высокой рыжеволосой расы, которая всегда рисуется въ умѣ при представленіи о туристѣ-англичанинѣ. Наконецъ, вопросъ о томъ, какую печать отложила вся эта совокупность факторовъ на культурѣ страны, принадлежитъ также къ числу вопросовъ землевѣдѣнія.

Вы видите, мм. гг., что программа такого рода землевѣдѣнія рѣзко отличается отъ такъ-называемой физической или динамической геологіи, которая занимается исключительно изученіемъ отдѣльныхъ силъ, дѣйствующихъ на земной поверхности, измѣняющихъ ее, и изучаетъ ихъ исключительно въ примѣненіи къ геологіи, то-есть, для объясненія событій давно прошедшихъ. Это также и не физическая географія, то-есть, ученіе о распредѣленіи этихъ силъ по земной поверхности. Это, напротивъ, философская наука, пытающаяся на основаніи выводовъ естественныхъ наукъ объяснить и указать особенности той обстановки, въ которой принуждено жить современное человѣчество, подобно тому, какъ наука о человѣкѣ стремится узнать особенности

організації чело́вѣческаго организма и законы, управляющіе его жизнью. Съ другой стороны, приведеннаго примѣра программы землевѣдѣнія Великобританіи совершенно достаточно, чтобы показать, что при преподаваніи географіи сама необходимость заставляетъ начинать съ общаго и переходить къ частному.

Намъ приходилось намекать на то, что горы Англіи суть части древнихъ горъ залитой оконечности Евразіи, что онѣ были подъ ледянымъ покровомъ, одѣвавшимъ сѣверъ Европы, что ее попеременно заселяли флоры то скандинавскаго, то иберійскаго типа, что ея аборигены были астурійской расы; словомъ, для разумаго пониманія явленій, происходящихъ на этомъ маленькомъ архипелагѣ, намъ пришлось бы постоянно дѣлать экскурсіи изъ него въ мѣста болѣе или менѣе отдаленныя, приурочивая ихъ то къ тому, то къ другому типу широко распространенныхъ по земному шару явленій. Вотъ почему разумнѣе, на мой взглядъ, дать сперва общую картину развитія и распредѣленія различныхъ гео-физическихъ, гео-ботаническихъ и другихъ явленій, происходящихъ на земномъ шарѣ. Тогда задача частнаго землевѣдѣнія будетъ несравненно проще. Она будетъ сводиться къ нахожденію роли того или другаго явленія данной страны въ общей жизни земнаго шара, подобно тому какъ для частной съемки, частнаго плана надо прежде узнать его мѣсто на большой общей картѣ.

Та общая широкая программа землевѣдѣнія, которая мною начертана, роль частнаго землевѣдѣнія, сейчасъ намѣченная, мнѣ кажется, принадлежитъ къ числу интереснѣйшихъ отдѣловъ натурфилософіи. И конечно, между различными отдѣлами частнаго землевѣдѣнія отдѣлъ познанія нашего отечества — землевѣдѣніе Россіи — кажется мнѣ, долженъ занимать первое мѣсто. Мы, владѣя столь обширнымъ кускомъ вселенной, къ стыду своему должны сознаться, что до сихъ поръ не знаемъ ни своего отечества, ни роли его природы на материкѣ Евразіи. И отъ кого же, какъ не отъ университетски образованнаго чело́вѣка, можно требовать этого знанія? Вы, здѣсь сидящіе, вы, будущіе администраторы, земледѣльцы, воспитатели юношества, сколько политическихъ ошибокъ, сколько превратныхъ распоряженій сдѣлаете вы, не зная своей страны! Не отъ неполнаго ли ея знанія происходитъ это наше самопрезрѣніе и самопоруганіе? Не отъ не достаточной ли выясненности нашей роли на материкѣ стараго свѣта мы вотъ уже второй вѣкъ, на переко́рѣ стихіямъ, попираемъ и презираемъ свое, стремясь копировать съ Европы возможное на ряду съ невозможнымъ! Мнѣ кажется,

лучшее знаніе своей страны искоренило бы въ обществѣ нашемъ многія ненормальности.

Общее землевѣдѣніе, въ объемѣ, нами начертанномъ, въ развитіи своемъ всецѣло зависить отъ развитія естественныхъ наукъ. Послѣднія далеко еще не сказали своего послѣдняго слова. Понятно, что его не могла сказать и географія. Многіе вопросы ея могутъ пока быть еще только намѣчены. На мѣсто желательныхъ истинъ приходится во многомъ ограничиваться еще смѣлыми гипотезами. Но такова судьба всякой молодой, зарождающейся науки. Мы можемъ утѣшать себя только тѣмъ, что мы видимъ громадный сырой матеріалъ, подготовленный натуралистами. Кирпичи готовы, они ждутъ строителя — и, говоря словами Христа, я могу сказать вамъ: воззрите на нивы, какъ онѣ побѣлѣли; не настало ли время для жатвы?

Въ заключеніе этого вступительнаго слова своего я укажу еще на одну сторону нашей новой науки. Всѣ естественныя науки, здѣсь читающіяся, зародились и создались на западѣ. Мы являемся преемниками и учениками западо-европейскихъ ученыхъ. Слова нѣтъ, русская наука на своемъ молодомъ и славномъ поприщѣ сдѣлала весьма многое и обратила на себя всеобщее вниманіе въ европейскомъ ученомъ мірѣ, гдѣ она заняла почетное мѣсто. Но право первородства принадлежитъ не ей. Научное землевѣдѣніе первое возникаетъ у насъ одновременно съ западомъ. Наука эта, широкая по своему плану, требующая какъ широкихъ обобщеній, такъ и умѣнія всею душою понять чуждую природу, чуждый характеръ и привычки, по духу своему, болѣе чѣмъ какая бы то ни было, соответствуетъ намъ, русскимъ, которые, какъ показала наша исторія, наша цивилизація, наша беллетристика, болѣе чѣмъ какой другой народъ, обладаютъ указанными свойствами. А потому будемъ надѣяться, что, развившись у насъ, она станетъ дѣйствительно наукою русскою по преимуществу.
